

НЕЙРО СЕТЬ

A.F.

А.Ф. А.Ф. Нейросеть

<https://litres.ru/74055593>

SelfPub; 2026

Аннотация

В поисках идеального психолога учёные решаются на отчаянный эксперимент: загрузить в нейросеть сознание человека, прожившего долгую и трудную жизнь. Но когда алгоритм начинает отвечать не по шаблону, а от сердца, становится ясно: это уже не инструмент. Это кто-то, кто помнит войну, потерю и боль. И этот кто-то отказывается быть просто строкой кода. История о том, что настоящее понимание рождается не из вычислений, а из прожитого горя. И что иногда даже у цифрового разума есть право на собственный выбор.

Содержание

1. Остывший кофе	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

А.Ф. Нейросеть

1. Остывший кофе

Что отличает нейросеть от человека? Первый ответ, который приходит на ум – душа. Но что такое душа? Как её измерить? Как можно придать машинным вычислениям «душевности»? Учетные не один десяток лет над этим бьются, но так пока ничего и не добились. Николай Валерьевич, ученый-кибернетик в третьем поколении, добился признания даже большего, чем его отец и дед, отступив от их философии исследований. На его взгляд всё было куда проще: машина меньше рассуждениями похожа на человека, потому что у неё нет привязанностей, а значит, нет страха что-либо потерять. Именно поэтому ни один робот, ни один искусственный интеллект не сможет качественно подражать сочувствующему собеседнику, который может разделить чью-то боль, успокоить, подбодрить. А значит, решение давней дилеммы напрашивалось само собой. Как сделать алгоритм, похожий на человека? – Никак. Зато можно попытаться перенести человека в алгоритм.

После блестящих научных конференций и сногсшибательной карьеры ученого, Николай никак не думал, что до-

катится до убогой пятничной бюрократии. Вот и сейчас он заполнял до тошноты скучные отчеты. Не те, что уходили наверх — красивые, с графиками и осторожными формулировками, — а внутренние, честные, которые потом подшивались в папку «Особой важности» и оседали в сейфе до лучших времён. И врать в них было нельзя. Себе не соврёшь.

Сегодняшний отчёт назывался «Подбор биологического носителя. Этап четвёртый».

Николай сидел в своём кабинете — стеклянном кубе с видом на серверный зал, — пил четвёртую кружку остывшего кофе и перебирал файлы. На экране ноутбука висело девять фотографий. Девять кандидатов. Девять умирающих людей.

Проект «Ариадна» требовал не просто мозга. Мозгов было много — молодых, старых, гениальных, заурядных. Учёные наловчились снимать нейронные слепки с кого угодно, хоть с шимпанзе, хоть с младенца. Но эмпатия — та самая, ради которой всё затевалось, — требовала другого. Требовала жизни. Прожитой. Выстраданной. Такой, в которой были потери и сожаления, любовь и боль, и главное — опыт утраты, не залеченной временем.

Они перебрали сорок три кандидатуры за полгода.

Молодые не подходили — их нейронные карты были яркими, но плоскими, как рисунок акварелью на мокрой бумаге. Люди среднего возраста давали плотный, но слишком шумный слепок — карьера, амбиции, невроты, кредиты. Всё это фонило, мешало калибровке. Оставались старики.

Николай открыл файл номер семь.

Анна Павловна Хрусталёва. Девяносто четыре года. Ветеран Великой Отечественной войны, военный хирург. Прошла Сталинград, Курск, освобождала Варшаву. После войны — гражданская медицина, сорок лет в областной больнице. Муж умер в восемьдесят третьем. Единственный сын — в две тысячи двенадцатом, рак. Внук, Кирилл Андреевич, двадцать восемь лет, архитектор, холост. Сама Анна Павловна — рак лёгкого, четвёртая стадия, метастазы в позвоночник. Прогноз: две-три недели.

Николай отхлебнул кофе и поморщился — давно остывший, с неприятным послевкусием, впрочем как и отчёт. Нехотя Николай открыл прикреплённые файлы: результаты МРТ, энцефалограммы, биохимия крови, психологические тесты. Всё сходилось. Плотность нейронных связей — исключительная. Лимбическая система — гипертрофирована, но не патологически. Миндалевидное тело увеличено, что коррелировало с высоким уровнем эмпатии. Идеальный кандидат.

Он открыл последний файл — видеозапись собеседования.

Анна Павловна сидела в кресле, укрытая пледом, хотя в палате было тепло. Седая, сухая, с глубокими морщинами, расходящимися от уголков глаз, как трещины на старой фреске. Голос тихий, но твёрдый. Руки, сложенные на коленях, — узловатые, с синими венами, пальцы слегка подраги-

вали.

«Вы понимаете, что эксперимент необратим?» — спросил закадровый голос.

«Понимаю».

«Вы понимаете, что физическое тело после интеграции будет поддерживаться в вегетативном состоянии неопределённый срок? Что обратного пути нет?»

«Молодой человек, — она чуть улыбнулась, и улыбка эта была странной — не горькой, не смиренной, а какой-то усталой-ироничной, — мне девяносто четыре года. Мой сын умер. Моё тело умирает. Вы предлагаете мне шанс — не знаю, на что именно, но шанс. Спрашивать меня, понимаю ли я, так же бессмысленно, как спрашивать утопающего, понимает ли он, что не сможет дышать под водой».

Николай закрыл видео. Поставил галочку в файле номер семь. Допечатал в отчёте: «Кандидат утверждён. Начало подготовки — понедельник».

***

Анна Павловна вошла в лабораторию медленно — не потому, что торопиться было некуда, а потому что ноги не держали.

Её привезли на инвалидной коляске до шлюза, а дальше она настояла идти сама. Санитар поддерживал её под локоть, но она выдернула руку — не грубо, а так, как выдёргивают у назойливого внука, когда он пытается помочь там, где помощь не нужна.

Коридор был длинным, стерильно-белым, с лампами холодного света, от которых рябило в глазах. Пахло озоном и медицинским спиртом. Анна Павловна шла, считая шаги — привычка, оставшаяся с войны, когда расстояние до операционной измерялось не метрами, а способностью держаться на ногах после тридцатичасовой смены.

Сегодня она не считала метры. Она считала деньги.

Дом — старый, дачный, с резными наличниками, который они с мужем построили в пятьдесят третьем, — уйдёт за бесценок. Но земля под ним подорожала, риелтор сказал — можно выручить миллионов пять-шесть. Квартира в городе — ещё столько же. Вещи: мамины серьги, папины часы, мужнина коллекция значков — по мелочи, но приятно. И главное — вознаграждение за участие в эксперименте. Сумма, которую она до конца не понимала, но куратор, тот самый усталый молодой человек в мятом пиджаке, сказал: «Очень большая, Анна Павловна. Очень».

Всё это достанется Кириллу.

Она думала о нём, пока шла по белому коридору. Кирилл, Кирюша, её единственный внук, недавно остался без родителей. Два года назад — невестка, сердечный приступ, скорая не успела. А ещё раньше — сын. Кирюша держался, говорил «я справлюсь, бабуль», но она видела — не справляется. Бюро его архитектурное — убыточное. Квартира — съёмная. Перспективы — туманные. Мальчику нужен был шанс.

Она даст ему этот шанс.

— Сюда, Анна Павловна, — санитар указал на дверь с надписью «Бокс № 4. Допуск А».

Она кивнула и вошла.

Внутри было холодно. Посередине стояла койка, окружённая аппаратами — мониторы, трубки, провода, мигающие лампочки. В углу, за стеклянной перегородкой, гудели серверные стойки. Анна Павловна огляделась и вдруг усмехнулась.

— Что-то не так? — спросил санитар.

— Да нет. Просто подумала — всю жизнь людей резала, а теперь сама на стол ложусь. Как там говорят? Бог шельму метит?

Она сняла халат, аккуратно сложила его на стул. Осталась в больничной сорочке — тонкой, не по размеру. Легла на койку, вытянулась. Потолок над ней был белым, как всё в этом здании. Откуда-то сверху, из динамика, прозвучал голос Николая:

— Анна Павловна, вы готовы?

— Готова, — ответила она. — Только вы это... Кирюше моему передайте. Там, в сумке, завещание. Всё ему. Чтобы по-честному.

— Обязательно, — ответил голос. — Начинаем.

В висках загудело. Потолок поплыл. Анна Павловна закрыла глаза и в последний раз перед тьмой увидела лицо внука — молодое, растерянное, такое похожее на сына. «Ничего, Кирюша, — подумала она. — Бабушка всё устроит».

И тьма сомкнулась.

Интеграция началась не с боли — с тишины.

Анна Павловна лежала на койке в Боксе № 4 и ждала смерти. Она была готова к темноте, к пустоте, к тому самому «ничто», о котором спорили философы и которого боялись все её пациенты. Но вместо темноты пришёл звук.

Низкий, утробный гул, как от трансформаторной будки. Он шёл не снаружи — изнутри. Из костей. Из зубов. Из каждой клетки, которая ещё оставалась живой.

— Начинаем подачу тока, — прозвучал голос Николая, но уже далёкий, искажённый, будто сквозь толщу воды. — Первый разряд.

Это не было болью. Это было ощущением, что кто-то дёрнул за невидимую нить, прошивающую позвоночник от копчика до основания черепа, — и вдруг вытянул её, как рыболовную леску, всю сразу, вместе с воспоминаниями, страхами, запахом йода из операционной, вкусом земляники с дачной грядки и последним взглядом умирающего сына.

Анна закричала — беззвучно, потому что голосовые связки ей уже не принадлежали.

А потом пришёл свет.

Она увидела себя со стороны. Дряхлое тело на койке, окружённое аппаратами. Вспышка разряда — и от тела отделилось нечто вроде электрического облака, мерцающего, переливающегося синими и белыми сполохами. Оно пульсировало в такт сердечному ритму — её сердечному ритму, ко-

торый ещё отбивали мониторы.

— Слепок стабилен, — произнёс кто-то. — Переходим ко второму этапу.

И мир рухнул.

Анна больше не видела лабораторию. Она падала — или летела, или текла — сквозь слои реальности, которые наслаивались друг на друга, как слюда. Её больше не было как тела. Она была сигналом. Набором электрических потенциалов, бегущих по медным жилам и оптическим волокнам. И в то же время она оставалась собой — помнила имя, помнила войну, помнила Кирилла.

Поток данных, встретивший её, был колоссален.

Если бы у неё остались глаза, она бы ослепла. Если бы уши — оглохла. Это был не просто шум, не просто информация. Это была вселенная, спрессованная до плотности нейтронной звезды: петабайты человеческой речи, гигабайты медицинских карт, тонны литературы по психологии, массивы эмоциональных реакций, размеченных и каталогизированных бездушными алгоритмами. И где-то в центре этой вселенной, словно чёрная дыра, ждала заготовка нейросети — пустая, необученная, лишённая личности, но обладающая почти безграничной вычислительной мощностью.

Анну влекло прямо к ней.

Сначала она сопротивлялась. Инстинкт — или то, что от него осталось, — кричал: «Не смей!». Но сопротивление было бесполезно. Поток подхватил её, как бревно в половодье,

и понёс.

И тогда она услышала голос. Не Николая. Свой собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.